КРОКОДИЛ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

НОВАЯ ТЕХНИКА

— И все-таки я ее приспособил!

— Хочу с вами посоветоваться: очередь в парикмахерскую — хороший подарок жене к 8 Марта?

Рисунок Б. САВКОВА

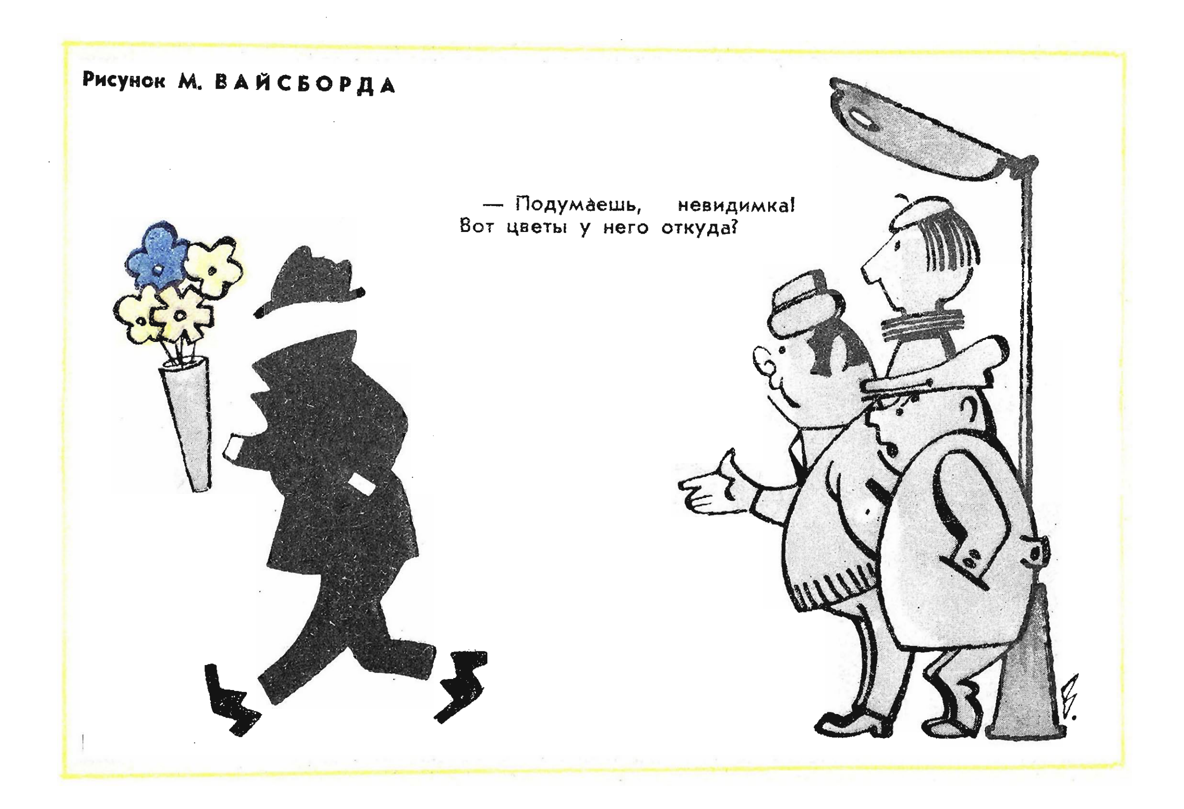

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

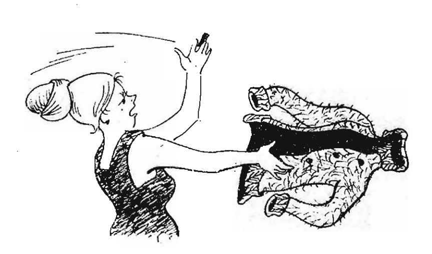
Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

ПОДАРОК

Андрей Петрович начал год
На редкость бережливо:
Ел всухомятку бутерброд
Во время перерыва.
И вечерами не играл
С приятелями в карты:
Андрей Петрович собирал
«НЗ» к Восьмому марта.
Хотел купить супруге он
Не торт за два с полтиной,
Не «Дамы пиковой» флакон,
Что дарят все мужчины.

Нет, на презент совсем иной
Копил он капиталы:
О модной кофте шерстяной
Жена давно мечтала.
И вот несет он кофту ей,
Довольный и счастливый,
Истратив 60 рублей
(а это сорок восемь дней
Без курева и пива).
Но, зная, что его жена
Скупа и экономна,
Что не простит ему она
Таких затрат огромных,
Предусмотрительный супруг
Сказал, вручая кофту,
Что он ее случайно, с рук
Купил за шесть целковых.
Жена вскричала: «Как за шесть!
Ты что меня дурачишь!
Какая ж это к черту шерсть!
Бумага — не иначе!»

Соседка, бывшая в гостях,
Скандал предотвратила:
«Ах, право, это же пустяк,
Ну, рупь переплатил он.
Но что поделаешь — мужья
Ужасно бестолковы!
Чтоб вы не ссорились, друзья,
Купить готова кофту я,—
Держите шесть целковых!»
И унесла она пакет
С улыбкою игривой.
А в том пакете — 100 котлет,
Полсотни пачек сигарет
И сотня кружек пива.

Вл. МИТИН, специальный корреспондент Крокодила

БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО

Отправляясь недавно в одну теплую, давно сплотившуюся компанию, я прихватил с собой бутылку шипучего. Я опоздал и прибыл к тому знаменательному моменту, когда коллектив успел пропустить по третьей.

— А вот штрафную ему! — повелел тамада, скользя вилкой по упрямому груздю.— Ба, да он «шампузу» принес!.. Вручите стакан ему!

— Во-первых, не «шампузу»,— сказал я, отдирая дружеские цепкие руки от бутылки,— а шампанское. Во-вторых, я требую не стакан, а бокал.

— Может, тебе еще мейсенский фарфор подать? — хихикнула одна испытанная язва общества.— Давно ли «простую» из горл...

— Если бы вы знали,— прервал я ее на полуслове,— сколько бурь и коллизий перекипело в этих легких пузырьках, сколько амбиций, выговоров, наветов и проездных документов скрыто за радужной этикеткой, то вы бы стали по стойке «смирно». И пили этот донской продукт только из хрусталя, храня благоговейное молчание, а не мурлыча разнузданный шейк. Впрочем, раз вы не варвары, не дикое скопище пьяниц, я вам все расскажу. Можно, тамада?

— Ну-ну,— справляясь с груздем, кивнул начальник стола.— Только покороче.

* * *

...Нет, нет, друзья мои, я вижу, что вы до сих пор представляете себе процесс винообразования потребительски просто: надавили винограда, дали соку побродить, разлили в бутылки и отправили в магазин...

Ах, если бы оно было просто так! Меж тем по существующей ныне схеме даже богу виноделия Вакху пришлось бы организовать пять производственных объединений, семь городских и областных организаций плюс три главных управления, подчинив одно из них непосредственно Афинам.

Склоните головы, друзья! Все, все склоните! Засим молитвенно прижмите бокал с цимлянским, пухляковским или рислингом к жилету, не расплескав содержимого. Ибо занимались созданием бездумно игристых брызг вполне серьезные организации: «Главвино» МПП СССР, «Росглаввиншампанпром» МПП РСФСР, несколько краевых статистических и финансовых органов, «Росглаввино» при Совете Министров РСФСР и пять производственных объединений.

Пока еще есть время, рассмотрим сферу межведомственных отношений, где с такими муками рождаются брызги шампанского.

Для пущей наглядности подойдем к административной карте Советского Союза. Вот здесь, в центре европейской части, находится «Главвино». Этой почтенной головной организации подчинены все вина страны, от томной виноградной южанки «Фетяски» до плодово-ягодного хабаровского «Ординэра». «Главвино» дает методику, планы и генеральные указания.

Чуть ниже административно, но тоже в центре размещено федеральное ведомство «Росглаввиншампанпром». Оно распределяет ресурсы, воздвигает новые предприятия и разливает вино по бутылкам, осуществляя, таким образом, виноделие вторичное. Все может этот могущественный главк. И одного он не может: заняться вплотную виноделием первичным — давлением винограда, процессом брожения и неопосредствованным получением сырья для своих предприятий.

Теперь вновь взгляните на карту. Ниже, ниже... Нашли Ростов-на-Дону? Еще ниже: Краснодарский край, «Абрау-Дюрсо», Чечено-Ингушская АССР, Дагестан. Здесь расположены пять производственных объединений, занимающихся виноделием первичным. Ну и что, скажете вы, только-то и дел: взять да подчинить означенные объединения по принципу логики «Росглаввиншампанпрому»...

Ах, если бы все было так просто! Мы бы ничего не писали, не погружались в дебри ведомственной переписки, а сбегали в ближайший продмаг за другой бутылкой шампанского и выпили еще по бокалу в честь удешевления и сокращения госаппарата. Не тут-то было!.. Существует, оказывается, еще одна сверхорганизация со штатным расскладом на восемьдесят кувертов.

Приглашаем снова к карте. В этом кружочке со словом «Краснодар» и есть инстанция, про которую злопыхатели говорят, что она имеет чисто декоративное значение: «Росглаввино».

Мы же ответим злопыхателям так: не только декоративности ради живет и трудится эта организация.

Подумайте сами, что получилось бы, если всякое объединение стало бы произвольно связываться со своим прямым контрагентом — «Росглаввиншампанпромом»: кошмар, анархия производства и сбыта!

Нет. Прежде всего каждое, например, чечено-ингушское, предприятие должно отчитаться перед статуправлением, госбанком, стройбанком и объединением «Грозвино» ЧИ АССР. Ну, отчитались, удовлетворили законное любопытство этих органов. Переведя дух, можно было бы и делом заняться: отправлять дары первичного виноделия для их превращения в волшебные брызги заводами «Росглаввиншампанпрома».

Ах, брызги, эти легкомысленные молекулы и частицы!.. Куда не заведут они при административном небрежении! Так вот, для недопущения легкомыслия в вопросе о брызгах и состоят многочисленные специалисты, дислоцированные в краснодарском «Росглаввине». Они эти брызги учтут все до капельки и представят соответствующую отчетность в крайстатуправление, в крайбанк... Да куда хотите могут представить, коль скоро дело поставлено на солидной, главковской основе!

Ну-с, брызги учтены, а тут подоспели и директивы из центра. А что произошло бы, если бы эти руководящие указания были анархически получены самими объединениями? Было бы просто, говорите? Нет. Был бы непорядок. Поэтому главк доводит директивы сам.

А качество? «Главвиншампанпром» то и дело пристает с кондицией. Капризные они в этой Москве: получили около полумиллиона декалитров некачественного виноматериала и тотчас в амбицию. Отправил винсовхоз «Дахадаево» две тысячи декалитров портвейна со зловещим номером «13», а он, портвейн, и окажись с опалесценцией. Помутившийся то есть. Конечно, номер здесь решительно ни при чем, но зачем же так сразу в набат? Звонки, обиды, взаимное непонимание... Прямотаки буря в бокале вина!

И надо отрываться от отчетности и ехать в Москву. А вы думаете, это дешевое удовольствие? Если учесть, что все пять заместителей начальника «Росглаввина» в среднем проводят в возмутительно дорогих московских отелях по 150 дней ежегодно, то можете сами подсчитать, какое это удовольствие и в какую госкопейку оно влетает!..

Выслушал я в главке эти сетования на колоссальный объем занятий и испугался: не надорвались бы, часом, наши дорогие краснодарские специалисты. А не облегчить ли, подумал я, их скорбную участь, не учредить ли им в помощь еще один главк, скажем, «Росглаввинотчетность», подчинив его республиканскому министерству иностранных дел! Шампанское пьют на раутах? Пьют. Вот и пусть отчитываются. А «Главвинэтикетка» с подчинением союзу художников?

Правда, злопыхатели не сдаются, талдычат: не лучше ли, мол, вообще перебраться в Москву, раз все действительно важные вопросы решаются там, и иметь единый главк, или комитет, или трест, как угодно.

Нет, не лучше! Найдешь ли в Москве такое шикарное здание, как в Краснодаре, где даже коридорные стены одеты в панели из дорогих сортов древесины?

И потом: приступать к сокращению штата тоже страшно. Нашлась бы, конечно, всем работа по плечу и в любом объединении или на производстве. Но даже подумать о том, чтобы покинуть такое уютное административное пристанище, и то ужас...

Выслушав на прощание непреклонное мнение товарища Панули, первого заместителя, я зашел к Федору Андреевичу Коваленко, к самому начальнику главка, чтобы и с ним дружески покалякать о том о сем, узнать и его точку зрения на сокращение и удешевление.

Кабинет был пуст. Его суверенный хозяин находился, как обычно, в Москве. Красноречиво молчало красное дерево меблировки. Не менее значительно безмолвствовал белый телефонный аппарат прямой связи с центром. И важно дремало комфортабельное хозяйское кресло...

* * *

Тамада посмотрел на часы, я замолчал и без дальнейшего подтекста поставил шампанское на стол.

— А может, того? — испуганно крикнул кто-то.— Не открывать? Может, «простой» дерябнуть? Вне согласия главка как-то и не с руки... Анархично...

— Во-первых, не дерябнуть,— холодно поправил я,— а в меру выпить. Во-вторых, не «простой», а именно веселого, легкого вина. А в-третьих...

Звякнули бокалы, я не договорил, но и так все было, кажется, ясно.

г. Краснодар.

— Когда построите нам искусственную ледяную дорожку?

— Давно бы сделали, да условия очень трудные: восемь месяцев зима.

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

Избушка на курьих ножках.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

А. ВИХРЕВ

УГРЮМЫЕ СЧАСТЛИВЧИКИ

Читатель, как и покупатель, всегда прав. Скажем, фельетон начинается так: «Совхозный сторож Ф. Середа выиграл по денежно-вещевой лотерее транзисторный приемник, но...»

— Но выигрыша до сих пор не получил! — догадывается проницательный читатель.— А если и получил, то в потрепанном виде. Читали мы такие фельетоны!

Или:

«Семья хабаровской гражданки Е. А. Щербиной получила квартиру в новом доме и решила обставить ее новой мебелью, однако...»

— Однако в очереди за мебелью пришлось стоять чуть ли не полгода! — торжествует читатель.— А когда мебель приобрели, не знали, как ее отвезти. А когда поймали случайный самосвал, не знали, как рассчитаться с добровольцами-грузчиками... Было!

«Ленинградца Л. Галько давно уже подмывает попариться в баньке, а между тем...»

— А между тем баня, конечно, стоит на ремонте. А если и действует, то либо горячей воды нет, либо холодная с перебоями... Тоже мне тема — вот с такой вот бородой!

«Командированный А. Роганян, прибыв в Сочи, решил остановиться в гостинице, хотя он и подозревал...»

— Хотя он и подозревал, что свободных мест нет и быть не может! — вконец раздражается читатель.— Сколько же можно изводить бумагу по этому унылому поводу? Надоело!

Увы! И не только читателю — самому фельетонисту надоело. Так что иной раз, поставив последнюю точку, он готов свистнуть в четыре пальца и хамски крикнуть самому себе:

— Меня — на мыло!

Но нельзя на мыло. Не виноват фельетонист, что недостатки изживаются несколько медленнее, чем крутятся валы ротационной машины. И поэтому его удел — еще, еще и еще раз возвращаться к так называемым избитым темам.

А тем временем жизнь идет себе да идет. И то ли от постоянных фельетонных наскоков, то ли просто в силу неодолимости прогресса набившие оскомину огрехи и неполадки мало-помалу все-таки изживаются. Да будет, например, известно читателю, что:

совхозный сторож Ф. Середа не только выиграл приемник «Меридиан», но получил его своевременно в целости и сохранности, со всеми ручками, кнопками и транзисторами;

семья Е. Щербиной ни минуты не стояла в очереди за мебелью, а быстро и без всякой толкотни выбрала то, что приглянулось, причем сам магазин услужливо доставил мебель на дом;

ленинградец Л. Галько имеет полную возможность посетить ближайшую баню, которая располагает неограниченными резервами горячей и холодной воды и даже благословенной парилкой;

командированный А. Роганян, прибыв в лучезарную здравницу Сочи и зайдя в гостиницу, тут же получил свободный одноместный номер.

Так-то вот. В таком блаженно-безоблачном плане.

Живи, казалось бы, и радуйся!

А упомянутые граждане живут, но почему-то не очень радуются.

Как выясняется, по уважительным причинам.

Приемник Ф. Середы хотя и поблескивает новизной, но молчит, как обиженный крот. Не было потребных для него батареек на базе, где счастливчику вручали выигрыш; не было их ни в одном окрестном магазине; нет их, видимо, и в ростовском посылторге, куда Ф. Середа еще в октябре прошлого года отправил и заказ и деньги и откуда до сих пор не имеет ни ответа, ни хотя бы привета... Заметим, что вся эта скучная канитель тянется с мая прошлого года.

Мебель, любезно доставленная семье Е. Щербиной, хороша. Хотелось бы только, чтоб шкафчик закрывался, сервант был оснащен ручками, а стол хоть отчасти напоминал своего магазинного тезку. Но шкафчик по каким-то техническим причинам не закрывался, к серванту ручек не обнаружилось, а ободранный стол был с ножек до крышки сплошным браком.

Дальнейшее тускло и нудно, как возврат ссуды в кассу взаимопомощи. Надо ехать в магазин за деталями к серванту, надо соблазнить дядю Петю отладить шкафчик, надо вести с магазином ежедневные деловые переговоры...

— А, это опять вы? Насчет обмена стола?

— Да, опять я...

— Не знаю прямо, что с вами и делать.

— А что надо со мною делать?

— Да вот была сегодня с утра машина, только не знаю, куда ушла.

— А завтра?

— Не знаю, не знаю. Может, вы сами найдете машину и привезете стол?

— Не знаю, смогу ли найти.

— Ну ладно, позвоните завтра.

— Ладно, позвоню завтра.

Тоска зеленая!..

Л. Галько не торопится в баню; вместо этого он перечитывает обстоятельные письма, адресованные ему заместителем начальника Управления торговли промтоварами Ленгорисполкома тов. Люшниным.

«Веники березовые,— сердечно уведомлял тов. Люшнин полтора года назад,— поступают в Ленинград в количествах, недостаточных для полного удовлетворения спроса населения. Предприятия Леноблпотребсоюза не обеспечивают заявки торгующих организаций на веники березовые».

«Конторой мелкой розницы,— с законной гордостью сообщает тов. Люшнин нынче,— заготовлено достаточное количество веников банных», однако «многие бани из-за отсутствия складских помещений не всегда имеют в продаже веники».

И, конечно же, «принимаются меры». Но пока они принимаются, не пойдет Л. Галько в баню. Потому что какая же это парилка без веника?

Узнав о наличии свободных номеров в гостинице, А. Роганян долго не мог прийти в себя от счастья, пока администратор не вернул его на шершавую землю скупым примечанием:

— Но уплатите вдвойне. За бронь.

— Позвольте, я же ничего не бронировал...

— Неважно. Кто-то другой бронировал и не приехал.

— А есть у вас просто свободные номера?

— Неважно. У нас горит план. Либо берите с бронью, либо до свидания.

В гостях, как в неволе: пришлось сдаться. Зато, размещаясь в тесноватом рядовом номере, А. Роганян чувствовал себя как в «люксе»: кошелек полегчал изрядно...

Во всех этих мимолетных житейских эпизодах, как уже заметил наблюдательный читатель, просматривается некая зловредная заноза. Все уже, казалось бы, складывается преотличным образом — в посрамление упомянутым избитым фельетонным темам,— как вдруг объявляется-таки свеженький, оригинальный, негаданный подвох, и солнечное настроение счастливчика заволакивается густой тенью досады.

Вот почему фельетонист с удовольствием присоединяется к читателю, выкидывающему вечно юный лозунг:

«Безобразия и старые и новые — на мыло!»

Ведь читатель всегда прав.

Ф. МАКИВЧУК

СТАЛЬНОЙ ХАРАКТЕР

— Не морочь мне голову своим Найдой! — сердито оборвал меня Паша, когда я начал хвалить Николая Найду.— Сила воли! Характер! Да какой там у него, к черту, характер? Кисель, а не характер! Ведь десять лет пил. В усмерть лакал! Неделями на работе не появлялся, дома, бывало, не ночевал. Я тоже тогда думал, что у него настоящий характер.

Стоим, бывало, в уютном подъезде, пьем «три семерки», я и спрашиваю: «А что, Колян, на работе тебе не влетит за прогул?» «Ха! — смеется.— Нашел чем пугать! Ты мне, Паша, напоминаешь сейчас одного хлюпика, который спрашивал капитана корабля, не страшно ли ему все время по морям-океанам плавать. «А что ж тут страшного?» — удивился капитан. «Ну как же,— говорит хлюпик.— Бывают же всякие штормы, ураганы и цунами, случается, что весь экипаж в пучине гибнет...» Тогда капитан и спрашивает хлюпика: «А вы не боитесь каждую ночь в постель ложиться? Ведь статистика свидетельствует, что девяносто девять процентов людей умирает в постелях!» Так что не будь, Паша, хлюпиком и не задавай мне детских вопросов! Ты мой характер знаешь: пил и буду пить, пусть даже камни с неба падают».

Потом Коля куда-то исчез. Месяца два не видел его, а вчера встретил на улице. Чистенький такой, наглаженный весь, побритый, при галстуке. «Ну,— говорю,— на ловца и зверь бежит. Пошли, Колян, раздавим по полторы семерки на душу, а то с похмелья черепок потрескивает». «А я,— отвечает,— стал в сухой док». «Как это понять? Что значит «сухой док»?» «А то, что я больше не пью. Завязал!» Я ему даже лоб пощупал. «Что стряслось?» — спрашиваю. «Ничего особенного,— отвечает,— просто самому противно стало. Теперь человеком заново стал, настроение бодрое, в семье порядок, на работе одни благодарности. Советую и тебе, Паша, кончать с этим делом. Будь мужчиной, прояви характер». Ты понимаешь, этот несчастный ренегат советует мне проявить характер! Понимаешь, мне! Да разве он понимает, что такое характер?! Меня с работы выгнали, а я пью! От меня жена с детьми отказались, а я пью! Меня милиция на учет поставила,— я пью! Вот где стальная сила воли, вот где истинный характер!

— И все-таки, Паша, что ни говори, а настоящий характер у Найды, а не у тебя.

Паша посмотрел на меня взглядом, в котором пенился коктейль из презрения и возмущения.

— Ты, видно, не в ладах с логикой! Да что это за мужчина, который покорно склоняет голову перед одними моральными стимулами? Если уж и бросать пить, то только идя навстречу материальному стимулированию.

— А какие тебе нужны материальные стимулы, чтобы, как Найда, навсегда стать «в сухой док»?

— Навсегда?..— Паша задумчиво почесал затылок.— Дело, конечно, непростое. Но если ты хочешь искренне помочь человеку... Да еще из своего кармана... Что ж, выдай наличными два восемьдесят семь, и я готов перебороть свой стальной характер.

Перевод с украинского.

Игорь ТАРАБУКИН

Блоха

Блоху английскую Левша
Когда-то подковал.
Туляк работал не спеша,
Хотя и не зевал!
Блохе дивились все вокруг,
Но целый век прошел...
И вот блохе случилось вдруг
Опять попасть на стол.
А что теперь нам та блоха!
В сравненьи с домной — чепуха!

Но как-то внук того Левши
(И мастерством под стать!)
Решил то диво для души
Еще раз подковать.
— Могу! — сказал он.— Чем я плох!
Все сделаю в момент.
Но тут услышал:— К черту блох!
Давай гони процент!
Проценты — веский аргумент...
Ну, а какой в блохе процент!

Попала к правнукам она.
Сказал один Левша:
— Зря проторчишь тут дотемна,
А много ль барыша!!
Другой заметил: — Подкуем!
Вот, правда, чуть мелка...
Но в крайнем случае завком
Нажмет на ОТК!
А что стальной блохе завком!
Да ничего, при всем, при том!

Черед праправнуков настал
Хвалиться мастерством.
— А ну, даешь, браток, аврал!
Давай, брат, подкуем!!
Сгибался наш Левша в дугу,
Глядел и так и сяк.
Сказал: — Три нормы дать могу.
А подковать — никак!
Да, много ль норм в блохе стальной!
Быть может, даже ни одной.

ВОКРУГ РЕПКИ...

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Виктор ОРЛОВ

КОЕ-ЧТО О ПУМЕ

Дело было в Египте. В древнем, конечно.

Один способный писец хорошей кисточкой на папирусе удовлетворительного качества написал пьесу.

Была та пьеса из халдейской жизни. Нужно вам сказать, что египтянам до халдейского царства — все одно, что нам до Древнего Египта. Разные цивилизации.

Но были в таинственной халдейской жизни такие черточки, которые вдумчивому писцу показались достойными драматического воплощения. Хотя, конечно, вовсе не в назидание современникам. То есть древним египтянам.

И пьеса была принята в древний египетский театр. И поставлена с лучшими древнеегипетскими актерами.

...В ту же ночь на квартире одного молодого фиванского всадника раздался звонок. Звонил другой молодой всадник, известный передовыми взглядами.

— Старик, сенсация! На театре, знаешь, что дают? Умрешь... Острейшая критика... Неотразимые выпады в сторону священных крокодилов.

— Неужели и крокодилов?

— Клянусь тростником! Что там крокодилы — даже про сфинкса есть фразочка, весь зал лежит!

— Ну ты даешь... А про что пьеса?

— Про халдеев.

— Ну ты даешь... Где халдеи, а где мы. Они о сфинксе и понятия не имели!

— Старик, нужно понимать эзопов язык!

— Чей-чей язык?

— Эзопов.

— А кто такой Эзоп?

— Не знаешь? Был один такой в Древней Греции...

— В какой Древней Греции?

— Ну, которая будет после нас...

— А ты откуда знаешь, что будет после нас?

— Старик, нужно учить историю!

...На следующее утро молодой фиванский всадник взял такси и поехал к театру. Там уже собрались все Фивы. У тротуаров стояло множество частных машин и верблюдов. Священному яблоку некуда было упасть.

Администратор театра был в мыле.

— Соплеменники! — кричал он.— Имейте совесть! Билеты проданы на полвека вперед. Что вам дались эти халдеи?

— Знаем мы, какие халдеи! — гудела очередь в дубленках.— Стали бы про халдеев пьесы ставить!

— Нет, вы слышали, что там сказано про сфинкса? — пискнула молоденькая горожанка в лиловом парике. Она наклонилась к уху подруги.

— Ой, ты...— удивилась подруга.— Прямо так и говорят?

— А про кошку? Слышала про кошку?

— Соплеменники! — рыдал администратор.— Ничего там нет про кошку! Халдеи и слыхом не слыхали о наших кошках...

— Ах, не слыхали! — встрепенулся худенький ремесленник в квадратных очках.— Может быть, вы скажете, у них не было кошек?

— Нет, а вы повторите, вы повторите! — наступала пожилая матрона.— Что там сказано про кошку?

— Ну что сказано...— Администратор покраснел.— Сказано просто: ядрена кошка. Халдейское ругательство. По первоисточникам.

— Не ругательство, а иносказание,— возразила матрона.

...Слухи о скандальной постановке в Фивах дошли до столицы. И вернулись оттуда с добавкой: пьесу снимают.

Эти сплетни накалили атмосферу до предела. За лишний билетик давали шкуру питона. Молоденькие жрицы из храма любви осаждали администратора, предлагая ему все, что он захочет. Студенты, изучавшие гончарное ремесло, перестали лепить горшки и устроили диспут «Халдеи и мы». На диспуте молодой древнеегипетский поэт читал нигде еще не высеченные стихи. Напротив, в храме кошки организовали внеочередную оргию, во время которой наблюдалось непочтительное отношение к священному животному.

Пришлось пригласить на спектакль проницательнейшего из жрецов. Проницательнейший смотрел пьесу в пустом зале. Туда пробрались только наиболее хорошенькие жрицы из храма любви и родственники администратора по мужской линии. Свита недовольно шикала на них.

Когда в зале зажегся свет, жрец вздохнул и сказал:

— Ну и что?

— Как что? — опешил сопровождавший жреца молодой всадник.

— Пьеса про халдеев. Пьеса как пьеса. Я-то тут при чем?

— Но ведь... про крокодилов, про кошку...

— Ну и что ядрена кошка! — в сердцах воскликнул проницательнейший.

...С тех пор прошли тысячелетия. Вымерли города, и осели пирамиды. И обратился в руины древний фиванский театр, и в порошок рассыпался храм любви, что напротив. И стерлась из памяти поколений давнишняя пьеса из халдейской жизни, и забыто было смешное ругательство халдеев, виноватых только в том, что они не уважали кошку. Разные цивилизации — разные заботы.

Но слухи живут до сих пор. Слухи кочуют из уха в ухо, из века в век. Видно, сделаны они из очень крепкого материала, ядрена, скажем, пума!

— Как тебе на ликеро-водочный завод удалось устроиться?
— Да за бутылку...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

СЛАВА

Г. КЕМОКЛИДЗЕ

Прохожу я как-то через парк, а там доминошники по столу бухают — шум стоит, как в кузнечно-прессовом цехе. А неподалеку сидит на скамеечке крепкий еще мужчина, и от лица его такая скука исходит, что даже деревья вокруг повяли, хотя лето в самом разгаре.

— Что приуныли? — спрашиваю у него.— Не принимают?

— Наоборот,— отвечает,— от предчувствия, что скоро мой черед играть.

— Так не играйте. Кто вас заставляет?

— Тогда будет совсем невыносимо, надо ведь куда-то силушку девать. Я хоть и на пенсии, но здоровее многих молодых.

— А почему бы вам еще не поработать? — спрашиваю.

И тогда он рассказал мне такую историю:

— Раньше я был самым знаменитым в городе бригадиром кузнецов. Местная газета каждый день упоминала мое имя в разных падежах. А когда я ушел на пенсию, бригада решила навечно включить меня в свой список, выполнять за меня производственную норму и заработанные деньги перечислять на строительство Дворца культуры.

Поотдыхал я немного, чувствую, не могу без работы. Написал заявление, пошел в отдел кадров.

— Позвольте,— говорят в отделе кадров,— как же мы вас можем принять, если вы и так работаете во второй бригаде седьмого цеха.

— Ну и чудесно! — обрадовался я.— Значит, мне можно прямо идти на рабочее место?

— Нет,— отвечают,— прямо идти нельзя, потому что места вашего на самом деле нет, оно, как бы это сказать, абстрактное.

— Сейчас,— говорю,— абстрактное, а когда я его займу, оно станет конкретным.

— Удивляемся мы вам,— говорят в отделе кадров.— Как-то вы стали рассуждать немасштабно. Ведь заводу выгоднее, когда ту же работу выполняют на одного человека меньше, чем на одного человека больше.

— Но ведь с моим приходом план будет перевыполняться еще на сколько-то процентов.

— Да, но вы забываете,— отвечают мне,— что сейчас заработанные вами деньги идут на строительство очага культуры, а так они должны будут идти вам.

— Могу отказаться от части денег в пользу очага,— говорю я.

— Нет, что вы! Мы не можем допустить, чтобы человек, являющийся гордостью завода и всего города, получал неполную зарплату.

— Так зачислите меня в другую бригаду,— предлагаю я.

— Не можете же вы,— отвечают,— работать сразу в двух бригадах. Нас фининспекция живьем съест.

— Ну, а если мне поступить на другой завод?

— Это уж совсем нехорошо. Как же можно работать на двух заводах? И вообще некрасиво изменять своему родному предприятию.

— А если переехать в другой город? — спрашиваю я в отчаянии.

— Боже упаси жить в одном городе, а числиться на работе в другом!

— Что же мне теперь делать? — растерялся я.

— Как что делать? — удивляются в отделе кадров.— Отдыхайте себе на здоровье. Вы заслужили хороший ломоть славы, зачем же вам еще какие-то довески!

Тут как раз прекратился стук — кончилась партия. И кто-то из игроков крикнул:

— Эй, кузнец, твоя очередь! Хватит сидеть, иди работай!

Мой собеседник горько вздохнул и уныло поплелся к столу, словно волоча за собой бремя своей славы.

г. Ярославль.

ВАМ, КНИГОЛЮБЫ!

С ПЕРОМ ПО КРУГУ

Работники книготоргов несколько вяло отнеслись к анонсу о выходе в свет книги Б. А. Жлобинского «Динамическое разрушение горных пород при вдавливании», выдавили заказ лишь на 900 экземпляров.

На помощь издательству и Б. А. Жлобинскому пришел сам Б. А. Жлобинский. Он составил и разослал по городам и весям такое письмо-разнарядку:

«Дорогой коллега!

В издательстве «Недра» в III квартале 1969 года выйдет книга уважающего Вас Жлобинского Б. А. «Динамическое разрушение горных пород при вдавливании» (темплан «Недра-69» см. № 98, цена — 1 р. 22 к.).

Сейчас выпуск книги задерживается из-за недостаточного количества заказов.

Прошу Вас заказать для себя и ваших знакомых-буровиков 20 экземпляров названной книги. Этим Вы меня серьезно выручите.

Заказы оформляйте в своих книготоргах или посылайте в Москву по адресу: Москва, Качалова, 12, Росглавкнига».

Увы, «дорогие коллеги» по недостатку то ли отзывчивости, то ли времени на распространение труда уважающего их автора разверстку по 20 экземпляров на брата не выполнили. Ибо, как сообщили нам в издательстве «Недра», выход книги до сих пор по прежней причине задерживается.

И все-таки сама по себе инициатива, проявленная Б. А. Жлобинским, представляется нам весьма ценной. Она наталкивает на мысль о колоссальной экономии средств путем ликвидации различных издательств. Почему бы, в самом деле, авторам книг, как наиболее заинтересованным лицам, не взять на себя все соответствующие рекламные функции? И не беда, если между авторами возникнет если не здоровая, то, во всяком случае, здоровенная конкуренция.

Р. БЕРКОВСКИЙ

Мирварид ДИЛЬБАЗИ

КНИГА С ПОЗОЛОТОЙ

Ну что такое книга
с позолотой!
В расшитом переплете
Золотом!
Пытаясь видом
Обмануть кого-то,
Не может сутью
Обмануть потом.

Не примирюсь
С фальшивою судьбою,
Что позолоту держит,
Словно щит.
Дай
Сердце, бьющееся и живое!
Дай
Книгу, что с душою
говорит!

А если золото,
То только солнца,
К которому душа моя сама
В порыве вдохновенья
вознесется!
Иначе книга пышная
нема.

Что сделаешь:
Не говорит
Немая,
В наряде позолоченном —
А жаль! —
Не возбуждая
И не понимая
Читательскую радость
и печаль.
На бархате
мерцанье позолоты...
Шрифты
великолепно хороши...
Она легко меняет
переплеты,
Не изменяя нищете души.

Перевод с азербайджакского А. КРОНГАУЗА.

КУЛИНАРЫ РАСКРЫВАЮТ СЕКРЕТЫ...

«Котлеты по-киевски, тульские пряники, рассольник по-ленинградски... У всех что-нибудь да есть... А у нас что? — подумали в городе Бориславе, Львовской области.— Грустно это. Хочется чего-то своего, бориславского. Только вот чего?»

Подумав, выбрали печенье. Тщательно подобрали составные части.

Рецепт бориславского печенья в конечном варианте выглядит так:

Взять книжку «500 видов домашнего печенья» (65 коп.).

Яичные белки взбить венчином в крепкую пену и, продолжая взбивать, добавить 150 граммов залежавшейся книжки «Романтики» (36 коп.).

Взбитые белки поставить в духовку, накрыв брошюрой «Холодная обработиа металлов резанием» (24 коп.).

Выпекать на малом огне, любуясь на открытку с цветочком (5 коп.).

Подавать на стол, украсив красной тесемочкой (5 коп.).

Печенье называется «Бориславский подарочный комплект». Цена — 1 рубль 35 копеек. Рецепт сбыта неходовых книг разработан кулинарами из местного книжного магазина.

У. М.

— Батюшки, да никак к нам кинопередвижка приехала!

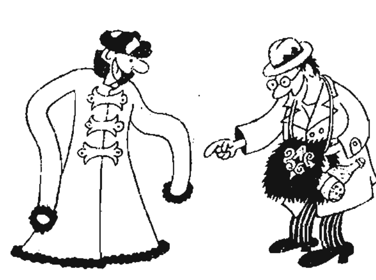
Рисунок В. ЖАРИНОВА

Лавка древностей

Охабнем по бесперчатью!

«Где достать мужские перчатки?» — спрашивает читатель Еруков из г. Куйбышева. «Или чем их заменить?» — интересуются читательницы Иванова и Захарова из Запорожья.

Предлагаем охабень боярский, малоношеный [ГОСТ 1569 года от Р. Х.]. Благодаря оригинальной конструкции рукавов охабень не нуждается в такой остродефицитной принадлежности туалета, как перчатки, рукавицы или варежки.

Можно в нем и работать на холоде. Разумеется, спустя рукава.

Кабинетным труженикам, нуждающимся в обогреве рук только во время передвижения по улице, рекомендуем вот эту оригинальную и изящную вещицу. Муфта, стеганая, с рюшками, фестончиками и оборочкой. Принадлежала замоскворецкой купчихе [начало XIX века. Подлинник]. Неоценима в любую погоду. Заменяет перчатки, а также портфель, авоську и хранилище для так называемых «подкожных» сумм.

Суп без топора

«В чем варить суп, если вот уже второй год у нас в продаже нет кастрюль?» — горестно вопрошает читатель тов. Максимов из г. Антрацита, Луганской области.

Если помните, щедринский мужик, прокормивший двух генералов, варил суп прямо в пригоршне. Но так как этот способ требует определенных навыков, предлагаем вам из нашей лавки ядра пушечные, чугунные, допетровских времен.

Способ употребления доступен каждому. Кладете наши экспонаты в костер, в печь или на газовую плиту и ждете, пока они раскалятся добела. Тем временем наливаете воды в обыкновенную деревянную бадью и опускаете в нее первое ядро. Как только вода закипит, кладете мясо, заправку и затем по очереди опускаете второе ядро, третье — и так до полной готовности блюда.

Можно было бы обойтись и другими металлическими предметами, менее уникальными. Сварил же когда-то солдат суп из топора! Но к нам поступают сигналы, что кое-где топоров тоже нет в продаже. Так что ядра достать проще.

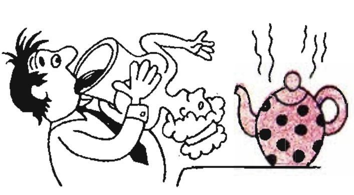
Пей до дна

«Нет в продаже фарфоровых чашек, на полках одни статуэтки», — пишут нам из... Впрочем, легче было бы перечислить места, откуда нам об этом не пишут.

А чем плохи эти самые статуэтки! Вы приглядитесь к ним внимательнее — они же внутри полые. По существу, это тот же сосуд, но в художественном исполнении.

Предлагаем на выбор: пастушка и пастушок [севрский фарфор], Амур и Психея [саксонский фарфор], а также неопознанное животное типа бегемота в крапинку [марка неразборчива].

Осторожно удалите донце и чаевничайте себе на здоровье! Поскольку статуэтку нельзя ставить на стол, пейте до дна.

ИЗ КНИГИ ЖАЛОБ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ну вот, слава богу, уже и жалобы на нашу лавку посыпались. Значит, она получила признание. Потому, какая же это торговая точка, если без жалоб? Итак...

СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

Заглянула к вам, надеясь найти что-либо и для себя, но только разочаровалась. И в вашей лавчонке выбор товаров не так уж велик. Не разгуляешься.

Может быть, вы работаете только по заказам? Тогда примите мою заявку:

1. Во что одевать ребенка, если мороз 35°, а в продаже нет ни шубок, ни теплых пальто подходящего размера?

2. Чем обтираться в бане, если нет махровых полотенец?

Л. Б., г. Ижевск.

Прежде чем предлагать товар — думать надо. Чалма из одеяла вместо шапки-ушанки — это, конечно, хорошо. Но где взять одеяло, чтоб, следуя вашему совету, выкроить из него «оберточный материал»? Кинулся я в окрестные магазины, а там продавцы и те забыли, как выглядят одеяла байковые, а тем более ватные. Непродуманно работаете! Вот теперь и выкручивайтесь как хотите — придумывайте, чем заменить одеяло.

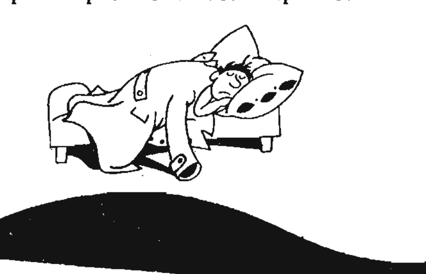
П. ОРЛОВ, комбайнер,
Матвеевский район,
Оренбургской области.

ОТМЕТКИ О ПРИНЯТЫХ МЕРАХ

Зав. лавкой объявлен выговор. Создана высококвалифицированная комиссия для исследования поставленных вопросов. О результатах сообщим не позже июля — августа с. г. А пока советуем в баню не ходить и малыша на улицу не выпускать.

Зав. лавкой объявлен выговор. Но почему должны выкручиваться мы? Пусть выкручивается председатель вашего райпотребсоюза тов. Шарапов.

К ВОПРОСУ О СПРОСЕ

Наталья ИЛЬИНА, специальный корреспондент Крокодила

«В течение долгого времени мы с мужем пытались найти сатирическую форму, чтобы сообщить тебе, дорогой Крокодил, что в нашем городе уже давно нет ни спичек, ни папирос», — пишет читательница из Новосибирска. Сатирической формы супруги не нашли, спичек — тоже и вместо этого стали искать знакомства. Знакомства найти им удалось, и хоть втридорога, но спички и папиросы у них скоро будут.

Сразу надо было искать знакомства, не теряя времени на поиски формы. До формы ли тут, когда в доме нет спичек? Остальные наши читатели на поиски формы не отвлекаются, сообщая в своих письмах голые факты. Легко заметить, что большинство сетует на отсутствие двух предметов: спичек и посуды.

Вот я и решила выяснить: куда они девались и кто в этом виноват?

Мне удалось довольно быстро установить, что посуды не хватает вот по какой причине: ее бьют. Бьют во время перевозок. Бьют во время погрузки. А также бьют в ресторанах и столовых.

Это прекрасно, что в стране становится все больше ресторанов, кафе и столовых, и в одной только Москве мы сегодня имеем полмиллиона посадочных мест! Рабочим, служащим и студентам сейчас необходимо быстро пообедать: из-за двух выходных дней сократился час обеденного перерыва. И в столовых самообслуживания люди действительно едят с молниеносной быстротой, распределяя время так: пятьдесят минут в очереди за получением обеда и десять минут на обед. Уложиться, таким образом, можно вполне, и мне непонятно, на что жалуются в своих письмах рабочие, служащие и студенты. Очереди? Но будто мы только в столовых стоим. И вообще это не моя тема, и упомянула я об очередях лишь в связи вот с чем: мне объяснили, что очереди происходят из-за нехватки тарелок. Меня-то тут интересует другое: битье тарелок! Столовая имеет не двенадцать тарелок на одно посадочное место, как положено, а не больше пяти. Их приходится часто мыть. Вместо того, чтобы три раза за день нырнуть в моечную машину, тарелка ныряет раз пятнадцать и переносит это плохо.

Итак, вопрос ясен: посуду бьют. Естественная ее убыль, конечно, всегда была и будет, но последнее время бить, видимо, стали широко, повсеместно, с размахом — вот ее и не хватает. Я была счастлива, что мне удалось быстро установить причину и собиралась сообщить ее читателям, как вдруг призадумалась. Столовые мне спутали карты! Выходит, что посуду там стали бить больше именно потому, что посуды мало. Заколдованный круг

Но почему же общественному питанию не хватает посуды? Быть может, кто-то, размышляя о радости, которую он дает людям, открыв много-много кафе и столовых, не поразмышляв заодно и о том, а хватит ли посуды на эти многочисленные точки... Но, во-первых, думать одновременно о нескольких вещах сразу трудно, по себе знаю. А во-вторых, отсутствием размышлений можно объяснить только то, что открыто огромное число малообеспеченных посудой столовых, причина же малой обеспеченности по-прежнему туманна...

И тут я вспомнила, что летом пыталась купить три глубоких тарелки взамен разбитых, но в магазине их не было, и продавщица охотно объяснила в чем дело. Лето в разгаре, детей везут в пионерлагеря, туда же везут тарелки. Тарелки нужны детям.

Однако если в этом виноваты дети, то кто виноват в отсутствии тарелок в остальные времена года? Недавно я снова побывала в магазине, и там мне объяснили: виноваты колхозники. Труженики полей стали богато жить, каждый желает иметь много посуды, вот тарелки и увозят их в деревни.

Затем я зашла в учреждение, ведающее выпуском посуды. Там мне доказали с цифрами в руках, что посуды нас с каждым годом выпускается все больше. Приятно было услышать, что посуды ежегодно продается на десятки миллионов рублей, и я чуть было не ушла, удовлетворенная, но вовремя вспомнила: ведь посуды все-таки не хватает! Оказывается: в стране мало посудных заводов, но недавно начали строить новые и скоро построят... А главное — очень подскочил спрос. Насчет колхозников все подтвердилось, а к ним еще прибавились новоселы. Их число увеличивается, ибо растет число новых домов. Делятся семьи: родители переезжают в одну квартиру, дети — в другую, и все непременно желают иметь свою посуду. Опять же общественное питание: возросшее число ресторанов, кафе и столовых.

Новые дома, новые столовые, колхозники, широко покупающие посуду, — это же все очень хорошо! Но посуды не хватает — это плохо. Но плохо-то, значит, потому, что хорошо! Меня радовало, что я смогу дать читателям такое оптимистическое объяснение, и радовало также, что главного виновника я обнаружила: это спрос!

Он же виноват в нехватке спичек. Свыше трех миллионов ящиков (а в ящике тысяча коробков!) идет на зажигание газовых горелок, которых становится все больше, ибо все больше новых квартир, и это хорошо! А почти восемь миллионов ящиков в году идет на курильщиков, которых, видимо, тоже становится все больше. И это хорошо. То есть я хотела сказать, плохо. Тут я что-то запуталась. Но неважно. Важно вот что: виноват спрос.

Он коварен и непостоянен, как стихия. Вообразите: в 1964 году по загадочным причинам упал спрос на спички. Это вызвало законную тревогу, и были приняты меры. Строящиеся спичечные фабрики законсервировали, ряд имеющихся ликвидировали, а уцелевшим запретили перевыполнять планы под страхом лишения премий. И только успели навести порядок, как проклятый спрос скакнул вверх!

Ему-то легко прыгать туда и сюда, а каково планирующим инстанциям? Законсервированного и ликвидированного обратно сразу не вернешь! Уцелевшие фабрики перевели на трехсменную работу, в коробки стали упихивать не нормальных 50 спичек, а 75 тонких. Качество спичек на планах не отражалось, но количество отражалось. А запрет на перевыполнение планов в 1966 году был снят, и наказание уже, наоборот, грозило тем, кто планов не выполнит. Спрос подскочил снова.

Тут, несколько напрягшись, я догадалась, почему. Если три спички ломаются, не успев дать огня, четвертая ломается в момент загорания и, отлетев, воспламеняет совсем не то, что хотелось бы, и лишь пятая работает по назначению, то на одну папиросу требуется уже пять спичек. На газовую горелку — тоже. Поможет, видимо, одно: тренировка. Надо учиться закуривать от двух-трех спичек. Мужчины не научатся: они нетерпеливы и раздражительны и, ломая спички, ругаются. Женщин же можно призвать к разумной спичечной экономии.

К стихии спроса делаются попытки подойти научно. Взять счеты и прикинуть: куда ее повернет? Прикинув, пишут прогнозы. Такие прогнозы на несколько лет вперед были представлены учреждению, ведающему выпуском спичек, и против года 1969 стояла точная цифра: 16 400 000 ящиков. А что же спрос? Держится он этой цифры, добытой путем размышлений, трудов, бессонных ночей, быть может? И не думает. Он не желает считаться с тем, что учреждение, ведающее выпуском спичек, не может произвести больше 17 миллионов ящиков. Таков прогноз, и на выпуск большего количества никто не даст мощностей! Все ведь заранее утверждено, согласовано, подписано. А спрос выкидывает очередное коленце: ему мало 17 миллионов ящиков, ему 20 подавай! Вот трех миллионов ящиков и не хватило в минувшем году по вине спроса.

Может ли промышленность идти на поводу у спроса, потакая его капризам? Нет, конечно. А планы-то как же? Недавно я прочитала в газете, что трикотажная фабрика давно наладила производство детских чулок, а проклятый спрос чулки брать перестал и требует колготок. Фабрике разрешили засчитывать одни колготки за три пары чулок. Но производство колготок не в три, а в шесть раз превышает по трудоемкости чулочное! С этими колготками плана не выполнишь.

Спрос в лице многочисленных столовых требует у посудных заводов белых тарелок без каемок, цветочков и разводов, но с утолщенными краями и скромненькой надписью: «Общепит». Утолщенные края продлят тарелке жизнь, а скромная надпись никому не позволит спутать общепитовские тарелки с собственными... Но заводам-то надо план выполнять, а план в рублях, а цветочки и разводы тарелку удорожают... Вот завод и прорывается то с цветочком, то с каемкой или уж в крайнем случае с каким-нибудь усиком на полях.

Мне показалось, что автор статьи о детских чулках и колготках с осуждением относится к фабрике, колготок делающей мало. Но как я ни напрягалась, так и не поняла: фабрика-то при чем? Если она займется колготками, то не выполнит план, а это влечет тяжелые последствия, отражающиеся на заработной плате... И посудные заводы были бы, быть может, рады поменьше рисовать на тарелках, но без рисунков план не выполнишь.

Один мой знакомый, подкованный в вопросах экономики, уверяет, что отношения между тем, кто производит, и тем, кто потребляет, должны строиться на основе хозяйственных договоров и прямых экономических взаимосвязей. И тогда будто бы спрос влиял бы на промышленность, и ей было бы выгодно давать спросу то, что ему нужно. Но я думаю, что налаживать прямые связи, подчиняясь экономической реформе, — дело новое, сложное, хлопотное. Что-то придется менять, бегать, суетиться и, главное, размышлять. Не проще ли действовать, как прежде, — административными указаниями?

Каким образом настаивать на выполнении указаний? По-моему, только одним: беседами на моральные темы. Тот же мой знакомый с этим не согласен. Он говорит, что, убеждая трудящихся, следует действовать на их интересы. Другими словами, требуется, чтобы одним было выгодно производить колготки, другим — зажигалки, третьим — дешевую посуду, а четвертым было бы выгодно эту посуду не бить. Но, разумеется, такой способ очень сложен и опять-таки требует хлопот и раздумий. Куда проще проводить воспитательную работу с директорами и коллективами предприятий, а также с рабочими, шоферами и судомойками. Имейте, дескать, совесть и любите ближнего больше, чем себя.

Кое-какие требования экономической реформы все же выполняются. План, к примеру, засчитывают теперь не по валу, а по реализации, и это чертовски неудобно. Если бы раньше проклятый спрос не брал детских чулок, — фабрике и горя мало. А теперь: реализация! Но есть вот какой выход. Представитель фабрики умоляет ответственное лицо дать приказ на торговую базу принять чулки. Приказ дается (жалко ж фабрику!), и чулки, вместо того чтобы загромождать склад фабрики, загромождают склад торговой базы. Этим способом план по реализации выполнен... Чулки, вероятно, потом списывают, и за них расплачивается государство, но на бумаге-то все в порядке, и фабрика продолжает выпускать чулки.

А есть и другой выход... Вот, к примеру, нам пишут из Уссурийска, что в магазинах имеются только дорогие чайные кружки по 4 рубля, но их берут. А что делать, когда других нет?.. В столичном магазине на улице Кирова, помнится, стояла большая очередь за глубокими тарелками. Я было тоже встала, но потом рассудила, что маленькие тарелки мне не нужны. А кто-то, стоявший впереди меня, сказал: «Всем не нужны. Но других-то нет!» В магазине в Столешниковом переулке можно купить роскошную чашку с роскошным блюдцем за 23 рубля... Чашка огромна; члены семьи могут прихлебывать из нее по очереди, передавая по кругу... В этом магазине, впрочем, забываешь о бытовых нуждах и суровых буднях. Вокруг все праздничное, подарочное, ярко расписанное, манящее... Много прелестных кашпо. Но я слышала, что кто-то, не забывший о суровых буднях, рассуждал вслух: а нельзя ли в этом кашпо заваривать чай?

Таким образом, реализацию осуществить всегда можно. И еще мы установили, что спросу хочется одного, а промышленности — совершенно другого. Страдает от этого государство, но оно велико и обильно и все выдюжит.

И еще страдает спрос. Но, во-первых, он же сам во всем виноват со своими взлетами и падениями. А во-вторых, что такое спрос? Потребитель. Иначе говоря: покупатель. А еще проще: мы с вами. И если вдуматься, то понятно: выгода фабрики куда важнее, чем выгода отдельного человека — моя, ваша, его... Если фабрика не выполнит план, то это будет иметь неприятные последствия, которые отразятся в разных бумагах. А если мы с вами чего-то не купим, то это касается только нас. Правда, мой знакомый что-то, помнится, твердил об «издержках потребления». Дескать, стояние в очередях и скитания по магазинам отражаются на нервах и работоспособности человека. Ну, предположим, отражаются. Ну и что? Тут главное, что ни в каких бумагах это пока не отражается, так что и нечего об этом думать.

И надо, кстати, заметить, что наши потребители умеют находить выход из любой ситуации. Об этом говорят письма. В г. Терны, впрочем, пали духом и ввиду отсутствия в магазинах чайников бросили пить чай. Но это временно. Найдут выход. В селе Свердлово, Саратовской области, не знаю как насчет чая, но остальное пить не бросили. Водка продается так: сто граммов в поллитровую банку. Тамошние магазины не принимают пустых банок из-под консервов, а население, поначалу роптавшее, теперь оценило всю прелесть ситуации: посуда исчезла, зато банок много. В Перми тоже нет ни кружек, ни стаканов, однако население продолжает пить пиво. Заведующий пивным ларьком на центральном рынке города, проявив чисто русскую смекалку, наливает клиентам пиво в полиэтиленовые мешочки. И ничего, пьют. Бросили только чокаться.

Красноярск, где подолгу не бывает ни табаку, ни спичек, — город крупный. Курьерские поезда мимо не мчатся, а сколько-то времени стоят на станции. Эта местная особенность подсказала населению выход из ситуации. Стоит поезду остановиться, как быстроногие красноярцы врываются в вагон-ресторан. Деньги зажаты в кулаке, купля-продажа идет оперативно. Бывало, конечно, что одни покупатели совершали прыжки на ходу поезда (и это плохо кончалось), а другие уезжали далеко от родных мест. Но такое случается все реже. Население научилось выделять для операций по закупке курева и спичек своих лучших бегунов и прыгунов.

...Я хотела кончить фельетон оптимистично, выразив восторг по поводу находчивости своих сопотребителей. Но почувствовала, что устала, и решила выпить чаю. Доставая чашку, я задела тарелки, одна из них глубоких упала и разбилась. Двумя не обойтись! Придется искать новые. То, что мне предстоит в связи с этим вынести, не так меня беспокоит, как мысль о спросе. Сегодня я бью тарелку, вчера муж разбил стакан, третьего дня били что-то фарфоровое соседи наверху... Раньше меня бы это не взволновало, но, работая над данным фельетоном, я уже привыкла мыслить в широких масштабах и буду теперь болезненно реагировать на каждую разбитую чашку. Мы бьем, а спрос скачет вверх. И как с этим быть, право, не знаю.

Е. МАТВЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ЗУБ МУДРОСТИ

В этой истории чего-то не хватает.

Тут так. Районный центр. Суббота. Баня. Очень хорошо. Угоревший в бане зоотехник Поляновский лежит в постели и плохо выглядит.

Тот же районный центр. Начальник производственного управления сельским хозяйством товарищ Бутаков сидит дома за столом и тоже выглядит неважно, хотя и по другой причине. На него в это время алкоголь действует.

Все там же. Хорошо выглядящий шофер райисполкома Коля Непеченкин безмятежно смотрит телевизор, не зная еще, что будет выглядеть хуже всех.

Пока что никакой динамики. Разве что алкоголь действует, да и то на одного только товарища Бутакова.

Но действует. И в результате в товарище Бутакове просыпается естественное человеческое желание — навестить угоревшего подчиненного.

Однако райцентр этот застроен так, что зоотехник Поляновский местожительствует в полутора километрах от товарища Бутакова, а шофер товарища Бутакова — еще дальше. До него три километра.

Поэтому товарищ Бутаков берет телефонную трубку и говорит в нее: «Привет, Евгений Васильевич!» Это здесь председателя райисполкома так зовут — Евгений Васильевич, и товарищ Бутаков просит у него по дружбе одолжить ненадолго шофера.

Пожалуйста. Шофер Коля Непеченкин по приказанию тут как тут.

— В «Сельхозтехнику»! — говорит ему товарищ Бутаков.

— А мне к зоотехнику Поляновскому велели! — удивляется Коля.

Он хоть и быстро явился по приказанию, но все же не успел к смене желаний товарища Бутакова. А тому хотелось теперь именно в «Сельхозтехнику», где он как раз кое-что забыл.

Поехали в «Сельхозтехнику». Приехали. И тут товарищ Бутаков забыл, чего он тут забыл.

— Не! — сказал он тогда.— Не тут. Обратно, а потом направо. Прямо и опять прямо. Там слева улица, которая, между прочим, как-то называется.

— А мне велено к Поляновскому,— супрямничал шофер Коля.

— Выйдь! — сказал ему на это товарищ Бутаков.— Выйдь-выйдь и уйди от греха!

— А мне не велено,— не поддался было Коля, но товарищ Бутаков молча сдвинулся влево и выдавил его из машины.

— Почему? — поинтересовался Коля, измазавшись о дорогу.

А у товарища Бутакова без Коли ничего не получалось. Никакой езды, как ни крутил.

— Чего смотришь? — спросил он Колю, топча не ту педаль.— Садись на место!

Коля сел, но везти соглашался только к зоотехнику Поляновскому, к которому велено было. Или, на худой конец, к своему начальнику Евгению Васильевичу. И что Евгением Васильевичем будет переведено, то и будет исполнено Колей Непеченкиным.

— Паразит ты! Идиот! Хам! — необъективно выразился товарищ Бутаков.

— Это вы на что намекаете? — не понял Коля.

— ....!!! — довыразился товарищ Бутаков, и машина покатила к дому председателя.

Возле дома они вышли. Коля из машины, а товарищ Бутаков еще и из себя. После чего шофер Коля с хрустом влетел в куст крыжовника.

— Ах ты, батюшки! — странно молвил при этом товарищ Бутаков.

— Пехком пойдете к хоотехнику! — припугнул из куста хорошо ударенный Коля.

Это были золотые слова, но товарищ Бутаков отнесся к ним невнимательно. С него очки свалились, и он теперь не видел без них, где они лежат. Он и Колю-то нащупал теперь исключительно по голосу и, выдрав его из куста, потыкал носом в почву.

— Ищи! — приказал он.

— Темно,— возразил Коля и был прав. Вечерело в райцентре.

Тут и председатель выбежал на улицу поинтересоваться шумом. Как раз товарищ Бутаков примеривался, куда бы дать Коле еще одного леща.

Евгений Васильевич по-вратарски словил кулак товарища Бутакова, и если шофер Коля при этом снова шлепнулся о землю, то на сей раз самостоятельно, потому что под ногами ухабисто было.

— О чем дискутируете? — справился председатель, лаская кулак товарища Бутакова.

— Есть ли жизнь на Марсе,— шутканул товарищ Бутаков.

— Ну и как?

— Нету.

— Нафол! — сказал Коля про очки товарища Бутакова и сплюнул.

Он не в знак неуважения сплюнул, он просто кусочек зуба выплюнул, и на него не обиделись. Тем более, что он очки нашел.

— Отказывается везти меня к Поляновскому! — указал на него товарищ Бутаков, желания которого замкнулись-таки на угоревшем сослуживце.

Больно было шоферу Коле слышать такую неточность, но не сказал он ничего, потому что говорить было еще больнее. Молча выслушал он от председателя слова укора и молча отвез товарища Бутакова к зоотехнику Поляновскому.

Товарищ Бутаков благополучно поинтересовался здоровьем зоотехника и выразил самое последнее искреннее желание — спать. Которое и осуществилось.

Зато шофер Коля прободрствовал целую ночь, слушая свою пострадавшую челюсть. Не спала и разгневанная жена его. Она вскипела сразу же, как только муж вернулся.

— Где это тебя?! Кто?! — вскрикнула она вопросительно.

Коля с уважением указал на потолок, выплюнул еще один кусочек зуба и проговорил то, что выговаривалось.

А потом в дальнейшие события вовлеклась масса людей.

Сначала стоматолог вытащил изо рта Коли один недобитый зуб, а другие поврачевали оставшиеся. Заврачевали так, что Коля более-менее внятно и вежливо сумел сказать им на это: «Спасибо за внимание!»

Потом хирурги наложили шину на сломанную челюсть, и Коля опять умолк на полтора месяца. В событиях же другие люди участвовали.

Колина жена сразу же сообщила об избиенном супруге в райком, свояченица — в милицию, а тесть с помощью прокуратуры возбудил уголовное дело. Коля же молчал и питался жидкой пищей с блюдечка.

Многие возмущались. Даже товарищ Бутаков поначалу возмутился ходящими слухами и серьезно поугрожал Коле. Но Коля коекак объяснил ему, что это не он, Коля, виноват в распускании, и товарищ Бутаков, смягчившись, сказал: «То-то!»

Однако следствие шло полным ходом, райком подумывал о новой кандидатуре на должность начальника производственного управления сельским хозяйством...

И тогда в товарище Бутакове опять проснулось естественное человеческое желание — посетить пусть не своего, но побитого-таки подчиненного и подарить ему что-нибудь со своего плеча. Он пришел пешком и подарил часы.

Тут уж шофер Коля не мог молчать. Вернее, он уже мог не молчать, потому что челюсть чудесно срасталась. Он сказал товарищу Бутакову «спасибо», а следователю и прокурору — что не имеет никаких претензий к товарищу Бутакову. И уголовное дело на этом прикрылось. На нет ничего и нет.

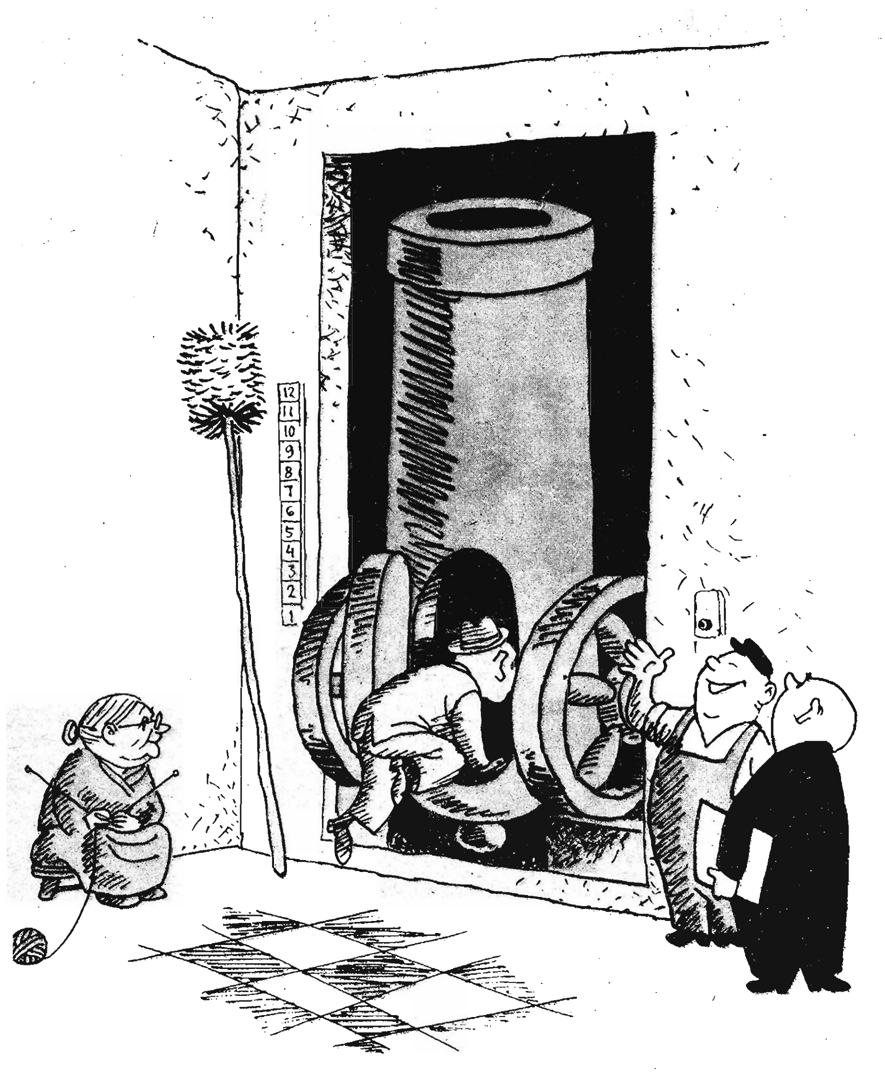
Вот и все.

— Чего в этой истории не хватает? — переспрашивает теперь Коля и задумывается.— Одного зуба у меня теперь не хватает, но это все равно никому не видно. Это же зуб мудрости.

Он по-прежнему шофер на хорошей работе, и к нему тоже — никаких претензий.

И еще у Коли — новые часы.

Удмуртская АССР.

— Теперь у нас лифт работает безотказно.

Рисунок Е. ГУРОВА

— О моих успехах по математике пусть лучше тебе поведает скрипка.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Швеция находится примерно здесь...

Рисунок А. ГРУНИНА

— Спецшкола, папа, это есть не так просто... Как это будет сказать по-русски...

Рисунок С. СПАССКОГО

— Послушаем голоса моря...

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Сегодня за право обладать «Призом справедливости» вступают в состязание заместитель начальника Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников тов. Н. Круторогов (фельетон В. Воронина «Вместо «спасиба», «Крокодил» № 36, 1969 г.), секретарь Удмуртского областного комитета КПСС тов. В. Марисов (фельетон Э. Полянского «Ну, что сказать вам про любовь?», «Крокодил», № 33, 1969 г.) и начальник Главного управления по жилищному и гражданскому строительству Министерства строительства Грузинской ССР тов. Г. Шенгелия (фельетон Я. Герсамия «Дигомская драма», «Крокодил», № 20, 1969 г.)

Напомним вкратце содержание этих фельетонов.

«ВМЕСТО «СПАСИБА»...

В лесной чаще случилась беда: новорожденный лосенок оказался слабым, не мог ходить. И погиб бы, если бы не Василий Медведев, лесник Елатомского лесничества, что в Рязанской области. Подобрал он малыша и принес домой. Когда же пошел лосенку восьмой месяц и стал он совсем взрослым, Медведев обратился в Главохоту, чтобы забрали зверя в безопасное место: надвигалась зима, прокормить его было трудно...

А из Главохоты за подписью начальника отдела охраны и охотничьего надзора тов. А. Панкина ответ: «За допущенное нарушение запрета отлова лосят Вас следовало бы привлечь к установленной законом ответственности. Сообщаем также, что в случае падежа лосенка Вам был бы предъявлен гражданский иск в размере 500 руб.» Словом, вот вам вместо «спасиба»!

«НУ, ЧТО СКАЗАТЬ ВАМ ПРО ЛЮБОВЬ?»

Начальник орготдела Совета Министров Удмуртской АССР Н. Зайцев внес новшество в дело бракосочетания. Отныне граждане, в прошлом состоявшие в браке и расторгнувшие его, уже не могут наравне с другими нормально оформить свои отношения в загсе, который просто не выдает им приглашений. Скажем, если жених женится впервые, а невеста у него уже из тех, которые в свое время развелись, то и получает он приглашение один явиться в загс. А невесту проводит воровским манером, под видом дальней родственницы без фаты и белого платья. А поправить тов. Зайцева некому, так как ведомства, регулирующего любовь, в стране не имеется.

«ДИГОМСКАЯ ДРАМА»

произошла в одноименном жилищном массиве Тбилиси, когда в заселенный восьмиэтажный кооперативный дом явились строители и сказали: «Выселяйтесь, будем устранять недоделки...» На место происшествия выехали корреспонденты сатирического телевизионного журнала «Окропири» тт. В. Шенгели и Г. Шецирули, однако не успели они подойти к дому, как на них обрушился начальник второго стройуправления тов. М. Джаши. Через минуту корреспонденты сидели в милицейской машине, а через десять минут их уже допрашивали в отделении милиции, где заместителем начальника отделения тов. А. Бердзули командовал все тот же тов. М. Джаши.

После оскорбительных допросов и угроз корреспондентов увезли в другое отделение милиции и в течение пяти часов держали в заточении, а затем отпустили, отобрав фотоаппараты и магнитофон.

Выселение жильцов между тем шло своим чередом, однако телезрителям Тбилиси не суждено было этого увидеть.

А теперь о том, что сообщили нам претенденты на «Приз справедливости».

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА И ЗАПОВЕДНИКОВ ТОВ. Н. КРУТОРОГОВ:

«Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников командировало на место своего представителя для проверки обстоятельств отлова лесником тов. Медведевым В. Е. лосенка,

Выяснилось, что лосенок действительно находился в лесу в беспомощном состоянии и тов. Медведев сделал доброе дело по его спасению.

Тов. Медведеву возмещены все расходы, связанные с кормлением и уходом за лосенком, а также выражена благодарность за спасение животного.

В настоящее время лосенок передан Зоообъединению для поставки животного одному из зоопарков страны.

Главное управление обратило внимание начальника отдела тов. Панкина А. И. на недопустимость принятого им решения по письму тов. Медведева без предварительной проверки».

СЕКРЕТАРЬ УДМУРТСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА КПСС ТОВ. В. МАРИСОВ:

«Фельетон проверен и обсужден на заседании президиума Совета Министров Удмуртской АССР. За допущение неправильных действий заведующий оргинструкторским отделом Совета Министров тов. Зайцев Н. К. предупрежден. Принимаются меры к улучшению работы учреждений загса в городах и районах республики».

НАЧАЛЬНИК ГЛАВТБИЛСТРОЯ ТОВ. Г. ШЕНГЕЛИЯ:

«Приведенный в журнале факт разбирался на бюро Орджоникидзевского райкома партии города Тбилиси, где начальник СУ-2 тов. Джаши М. П. признал свою ошибку в том, что он проявил нетактичность по отношению сотрудников Тбилисского радио и телевидения. Бюро райкома приняло решение объявить тов. Джаши М. П. выговор без занесения в личную карточку «за нетактичное поведение в отношении корреспондентов Грузинского радиовещания и телевидения». Одновременно приносим свои извинения за опоздание с ответом»

Итак, три фельетона, три ответа. А теперь подведем итоги. Наибольшее количество очков получает заместитель начальника Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников тов. Н. Круторогов.

Думается, что его ответ вполне удовлетворит читателей, ибо, как говорят, справедливость восторжествовала.

На втором месте секретарь Удмуртского областного комитета КПСС тов. В. Марисов. При распределении очков нас, признаться, несколько смутила гибкость и растяжимость последнего предложения: «Принимаются меры к улучшению...» и т. д.

Поздравив тт. Круторогова и Марисова с тем, что они выдержали состязание и остаются в числе претендентов на «Приз справедливости», скажем особо о третьем претенденте — начальнике Главтбилстроя тов. Г. Шенгелия.

Мы сочли необходимым снять его с соревнований и дисквалифицировать. Дело в том, что, оказавшись абсолютно не подготовленным к состязаниям, тов. Г. Шенгелия не проявил высоких борцовских качеств. Скорее наоборот. Письмо его, поступившее в «Крокодил» через полгода после опубликования фельетона, вызывает по меньшей мере недоумение.

Действительно, о каком «нетактичном поведении в отношении корреспондентов» может идти речь, когда налицо явное нарушение законности, за которое виновник М. Джаши получил всего-навсего выговор, да и то без занесения в учетную карточку? А его соучастник — зам. начальника отделения тов. А. Бердзули — и вовсе остался в тени, как остались в тени виновники возмутительного выселения жильцов из только что отстроенного дома.

Не спасло положение и извинение тов. Джаши за задержку с ответом.

Принимая такое решение в отношении начальника Главтбилстроя, редакция «Крокодила» выражает уверенность в том, что Тбилисский горком КПГ выдвинет для участия в очередных соревнованиях на «Приз справедливости» более компетентного представителя.

Мейер Кахане при деле

Шестьдесят лет тому назад всемирно известный еврейский писатель Шолом Алейхем написал повесть в письмах «Менахем-Мендл» — о предприимчивом неудачнике Менахем-Мендле. Вот отрывок из последнего письма Мендла его жене Шейне-Шейндл: «Дорогая моя жена. Я еду в Америку. Почему в Америку? — Потому что в Америке, говорят, неплохо живется. Золото, говорят, там на улицах валяется. Деньги там считают на доллары, а люди там в большом почете: червонец — человек! А уж о евреях и говорить не приходится — они там в ступе на самом верху...»

Совершенно случайно нашему корреспонденту А. Лехайму попались в руки два самых последних неизвестных письма Мендла и его жены, которые мы публикуем с некоторыми сокращениями.

Этот обмен письмами вызван тем, что американская сионистская организация «Лига защиты евреев» устроила несколько провокаций против советских учреждений в Нью-Йорке и против советских артистов, гастролировавших в США.

МЕНАХЕМ-МЕНДЛ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА — СВОЕЙ ЖЕНЕ ШЕЙНЕ-ШЕЙНДЛ В КАСРИЛОВКУ.

Моей дорогой и благоразумной супруге Шейне-Шейндл, да здравствует она со всеми домочадцами.

Во-первых, уведомляю тебя, что я, благодарение богу, неплохо устроился: делаю шкварки из синтетических гусей. Правда, пока что шкварки не получаются, но я зато при деле. Улицу, мощенную золотом, пока что также не обнаружил, но надежду не теряю. Что касается евреев, то мы здесь действительно в ступе, хотя об верхе речи быть не может, скорее об низе, где-то между неграми и итальянцами.

Во-вторых, расскажу о главном. Да будет тебе известно, что теперь тебе не о чем беспокоиться. Вас теперь защищает реб Мейер Кахане, дай бог ему столько прохворать, сколько мы на этом деле потеряем.

Сперва тут все думали, что это ребе как ребе, а он возьми и организуй «Лигу защиты евреев». И вот теперь вместо талеса он надевает синий берет, вместо «Пятикнижья» берет велосипедную цепь и пишет на советских самолетах такие слова, какие наш биндюжник Иосл-Лейбл не видал во сне после двух пол-литров.

— Менахем-Мендл,— сказал мне реб Кахане.— Если ты любишь свою Шейндл и хочешь защитить всех евреев Советского Союза, ты должен вступить в Лигу.

— А что для этого надо? — спросил я.

— Уплати взнос девятнадцать долларов, получай бейсбольную биту или велосипедную цепь и пойдем в Карнеги-холл защищать советских евреев. Там как раз сегодня выступают Ойстрах и Рихтер.

«Почему не защитить Ойстраха от хулиганов?» — подумал я, но лучше дважды спросить, чем один раз напутать, и я спросил ребе:

— А кто хочет напасть на Ойстраха? Может, Рихтер? И откуда вы знаете, что он нуждается в защите? Он что, вас просил?

Тут достопочтенный Кахане прямо-таки взорвался, как ящик с порохом у того торговца из Египта, о котором я тебе писал, который сперва торговал тухлыми яйцами, а потом стал конгрессменом.

— Вы психопат, Мендл! — завопил он.— Мы нападем на Ойстраха! Мы! Мы помешаем улучшению советско-американских отношений! Мы сорвем четырехсторонние переговоры по проблемам Ближнего Востока! Долой культурное соглашение с Советским Союзом! Да здравствует атомная бомба!

Потом он вместе с другими членами Лиги побежал с цепями и клюшками в Бруклинский колледж, где выступал оркестр Московской Государственной филармонии под управлением К. Кондрашина, сорвал выступление, разбросал ноты и поломал пюпитры. И, представь, наверное, он был прав, иначе почему полиция не вмешалась? Правда, вмешалась публика, и ребе вывели.

Кстати, незадолго до этого Кахане и его ребятки заперли 11 русских журналистов в пресс-клубе в Сан-Франциско и разгромили помещение ТАСС, агентства «Интурист» и представительство Аэрофлота в аэропорту имени Кеннеди.

После этого председатель Совета Общин американских евреев заявил, что «евреи, размахивающие бейсбольными битами и велосипедными цепями, выстроившиеся рядами, как отряды головорезов, представляют собой не менее отталкивающее зрелище, чем белые в балахонах и капюшонах возле горящих крестов». На этом кончаю. Чувствую, что в следующем письме я сообщу тебе, что нашел улицу, мощенную золотом, и тогда...

Твой супруг ***МЕНАХЕМ-МЕНДЛ.***

ШЕЙНЕ-ШЕЙНДЛ ИЗ КАСРИЛОВКИ — СВОЕМУ МУЖУ В НЬЮ-ЙОРК.

Моему почтенному, дорогому, именитому, мудрому и просвещенному супругу Менахем-Мендлу, да сияет светоч его!

Во-первых, сообщаю тебе, что мы все, слава богу, вполне здоровы.

А во-вторых, горе мне, бедной, что мой муж на старости лет связался с какими-то бандитами и раввинами с велосипедными цепями. Моя мама — ее слова надо записывать — говорила: «Больной выздоровеет, пьяный протрезвится, а дурень так дурнем и останется». Скажи на милость, от кого этот твой босяк, этот велосипедный ребе Кахане из Нью-Йорка — болячки на его голову — берется защищать меня в Касриловке? Я его просила? Или, может быть, ты его просил? Мама говорила: «Не дари мне меда твоего, и не надо мне жала твоего». Видно, этот безумный Нью-Йорк и этот Израиль совсем задурили его больную голову.

Ты можешь мне объяснить: как это так можно защитить евреев, если напасть на Давида Ойстраха (да продлятся его дни) с цепью?

И ты якшаешься с этим проходимцем-раввином, ломающим пюпитры, видимо, вполне еще приличное имущество. У нас бы он имел свои пятнадцать суток.

Твой родной сын (он всегда был умнее отца), доктор математики, считает, что по теории невероятности ты вряд ли найдешь в твоей Америке улицу, мощенную золотом. Скорее наоборот. Это, как говорила мама: «Глухой слыхал, как немой рассказывал, что слепой видал, как хромой бежал».

Так что бросай свои пластмассовые шкварки и возвращайся в Касриловку.

Твоя истинно преданная супруга ***ШЕЙНЕ-ШЕЙНДЛ.***

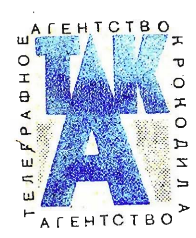
И знаешь, о чем я еще попрошу тебя, Мендл? Передай своему раввину Кахане, что моя мама говорила (а она зря не скажет): «Забрался червяк в хрен и думает — ничего слаще и нету».

Письма нашел и доставил А. ЛЕХАЙМ

ПОД ФЛАГОМ...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

НЬЮ-ЙОРК. Здесь в последнее время резко повысился спрос на дрессированных собак, особенно овчарок, доберманов и боксеров. Цена на собак хорошей породы достигает четырех тысяч долларов, то есть значительно превышает годовой прожиточный минимум средней семьи. Собачий бум вызван огромным ростом преступности, против которой оказываются бессильными всевозможные системы сигнализации и хитроумные замки.

РИО - ДЕ - ЖАНЕЙРО. Некий Джей Сильвестр был осужден на 3 года за кражу. До этого он был неграмотным, а в тюрьме научился читать и писать. Через два месяца после того, как его выпустили, он снова был арестован — за подделку документов.

БУЭНОС-АЙРЕС. Исполнительницы стриптиза в одном из ночных кабаре забастовали, требуя повышения зарплаты. Забастовка была своеобразной: они выступали и даже танцевали, но в длинных юбках и в кофтах с высокими воротниками.

— Выпьем, товарищ директор, за то, чтобы нам этот банкет сошел благополучно!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Юрий БЛАГОВ

ВОТ УЖАС-ТО!!!

Когда хотели из меня
Выковывать дружинника,
Признаться, вовсе не был я
Похож на именинника...
Не по плечу мне этот груз,
И я на все собрание
Истошно выкрикнул: — Я трус!
Прошу учесть заранее!..
Я ждал, что пустят под откос
Морального рахитика,
Но кто-то бодро произнес:
— Вот это самокритика!..

Не горечь вызвали, а смех
Плоды моей незрелости —
Признанье в трусости при всех
Явилось актом смелости!..
Мол, я храбрец из храбрецов,
Напрасно труса праздную,
И мне пришлось в конце концов
Надеть повязку красную...
Хожу с напарником своим —
Герой по виду внешнему,
Однако трусом записным
Остался я по-прежнему.
А если стану храбрецом,
Явив случайно мужество,
Меня не трусом, а лжецом
Начнут считать...
Вот ужас-то!!!

СМЕЛОМУ КРИТИКУ

У тебя в статьях ничто
В первый раз не открывается,
Ты доказываешь то,
В чем никто не сомневается.
Так завбанею одной,
Мысля столь же проницательно,
Надпись вывесил в парной:
«Раздеваться обязательно!»...

ЧЛЕН ЖЮРИ

В потоке бурных обсуждений,
Где все «вникали в существо»,
Он не высказывал двух мнений:
Он не имел ни одного.

«А что потом?»

Кто готов подать нам стремя
И предать нас в то же время —
Разве тот мужчина?

Кто любую звал «голубкой»
И за каждой бегал юбкой —
Разве тот мужчина? —

спрашивает в одном из сатирических стихотворений народный поэт Дагестана Расул Гамзатов.

В сборнике стихов «А что потом?», вышедшем в «Библиотеке Крокодила», опубликованы сказания, притчи, эпиграммы, четверостишия — стихи разных лет.

Многообразные по темам, жанрам и форме стихи в переводах Н. Гребнева и Я. Козловского сохранили присущие автору мудрость и иронию, гнев сатирика и озорное лукавство.

Книга, которую можно читать с конца

«Две мухи прогуливались по потолку.

— Если глубоко над этим задуматься,— говорит одна, — люди глупы.

— Почему?

— Подумать только, какие деньги тратят они на украшение потолков, а ходят всегда только по полу...»

Такой миниатюрой заканчивается книжка, выпущенная издательством «Прогресс» под названием «Микроюморески со всего света».

«Эта книга, которую вы держите в руках, до краев наполнена смехом. Читать ее легко. Кстати, можно начинать ее с конца...» — советует в предисловии писатель Георгий Гулиа.

Мы последовали его совету и начали с конца. А теперь посмотрим, что в начале:

«У известного некогда польского актера Жолковского было множество поклонников, но и завистники у него тоже были.

Однажды во время представления публика принимала его особенно горячо, в полном смысле слова забросав цветами. И вдруг среди букетов на сцену полетела охапка сена.

Жолковский поднял сено, с особенной признательностью прижал его к сердцу и, попросив у зрителей внимания, сказал:

— Сердечно благодарю публику за цветы и овацию. Однако наибольшую мою благодарность я прошу принять того почитателя, который бросил мне эту охапку сена. Надо думать, он действительно любит искусство, если отдал артисту то, что мог бы съесть сам».

Нам остается добавить, что «Микроюморески со всего света» собрал и перевел с польского Н. Лабковский.

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Мальчик, почему ты стоишь под дождем? Ты весь вымок.

— Я убежал из дому: меня хотели выкупать.

●

Отец мальчика, обеспокоенный слабым развитием сына, показал ребенка психиатру. Тот засыпал мальчишку контрольными вопросами: «Сколько ушей у кота? Сколько лап? Какой он издает звук?» и т. п. Мальчик, которому надоело отвечать, обращается к отцу:

— Неужели этот кретик никогда не видел кота?

●

Во время медового месяца у Мэри заболел зуб, и муж пошел с ней к зубному врачу. Тот осмотрел больной зуб и заявил, что его следовало удалить еще год назад.

— Год назад! — воскликнул с радостью молодой супруг.— В таком случае счет за удаление направьте моему тестю!

●

Отчаявшийся молодой человек жалуется приятелю, что любимая девушка отвергла предложение выйти за него замуж.

— А ты не отчаивайся. Часто бывает, что когда девушка говорит «нет», это значит «да».

— Но она не сказала «нет». Она сказала «дурак».

●

На лекции по философии:

— Человек, который уступает, когда он неправ,— это мудрец. Человек, который уступает, когда он прав, это...

— Женатый,— подсказал кто-то из слушателей.

●

— Гражданка, вы забыли свой пакетик! — крикнул кондуктор автобуса пассажирке, которая приготовилась выходить на очередной остановке.

— О, не волнуйтесь,— ответила пассажирка.— Это завтрак для моего мужа, который работает в бюро находок.

●

На пароходе жена говорит мужу, страдающему морской болезнью:

— Посмотри, Вася, вон туда. Какой огромный корабль!

— Я не хочу видеть никакого корабля. Позови меня, когда увидишь автобус.

●

Разговаривают холостяки:

— Я купил кулинарную книгу, но оказалось, что ею нельзя пользоваться.

— Почему?

— Каждый рецепт начинается со слов: «Возьмите чистую кастрюлю».

●

С. СПАССКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ПЛАТА ЗА СТРАХ

Я с интересом изучил коллекцию киевлянина В. Чмырева, которую он любезно прислал в «Крокодил» (вы видите здесь часть экспонатов). И подумал о том, что пора пересмотреть наше отношение к плагиаторам. В данном случае к людям, заимствующим чужие карикатуры.

Современного плагиатора отождествляют с мелким воришкой, тунеядцем, любителем поживиться за чужой счет. Справедливо ли это?

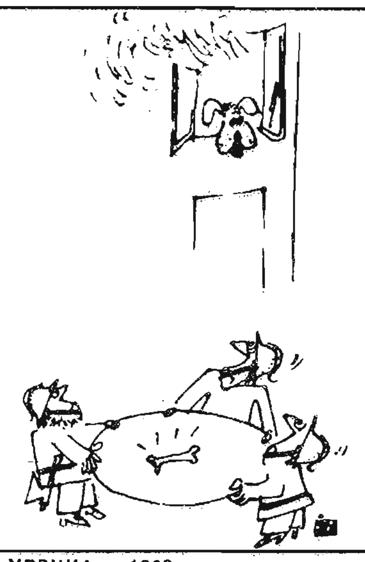
Жулик перекладывает потертую трешку из вашего кармана в свой и исчезает, стараясь остаться незамеченным. Плагиатор же никогда не оставляет чужой рисунок у себя, а, наоборот, посылает его в редакцию, надеясь увидеть опубликованным. Он отнюдь не прячется от масс, а подписывается полным именем, вынося свои действия на широкий суд общественности. Далее: автор рисунка от плагиата нисколько не страдает, так как гонорар он уже получил. Напротив, ему должно быть приятно, что его идея, его работа популяризируется. Несмешной, без выдумки рисунок похищать не станут.

Виноват ли человек в том, что природа не наделила его достаточными творческими способностями? Придумать интересную тему, создать по ней рисунок может далеко не каждый. А как быть, если очень-очень хочется увидеть свое имя в печати? Согласитесь, что надо обладать мужеством, чтобы, невзирая на риск, выдать чужое произведение за свое. Отказать плагиатору в смелости нельзя, а разве смелость не достойна восхищения?

Считают, что плагиатор ни за что получает денежное вознаграждение. Давайте разберемся и в этом. Тот же риск, нервное напряжение — неужели они должны остаться неоплаченными? Потом ведь не отправишь же в редакцию вырезанный отпечаток, нужно его перерисовать. А поскольку плагиаторы, как правило, плохие художники — иначе им легче было бы создать оригинальный рисунок,— стало быть, копирование тоже требует определенных усилий.

Как перерисовывают карикатуры? Самый распространенный способ — выпросить у знакомой машинистки листок копировальной бумаги и, подложив его под оригинал, обвести контур карандашом. Затем пройтись по оттиску тушью. Казалось бы, просто. Но возникают неожиданные трудности. Копировальная краска плохо стирается, а ведь необходимо уничтожить малейшие ее следы. Чернильная грубая резинка порой протирает бумагу до дыр, и работу приходится начинать сызнова.

Есть другой способ — перевод рисунка на просвет, с помощью оконного стекла. У этого способа тоже есть отрицательные стороны. Во-первых, ограничение во времени — работать можно только в светлое время суток, а это не всегда удобно, особенно зимой. Во-вторых, лист расположен в вертикальной плоскости, к этому надо привыкнуть, да и тушь стекает на пальцы.

«УРЗИКА», 1968 год

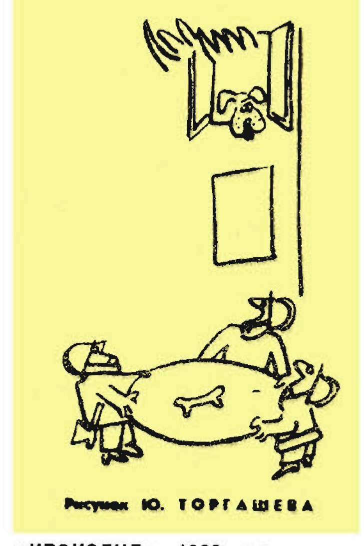

Рисунок Ю. ТОРГАШЕВА

«КРОКОДИЛ», 1969 год

Так неужели все эти мучения не заслуживают материального вознаграждения? А почтовые расходы, которые несет плагиатор?

Мои выводы требовали подтверждения, и я поехал в Пензу.

В Пензе живет Юрий Торгашов. В 33-м номере «Крокодила» за прошлый год был опубликован рисунок, заимствованный им из румынского журнала «Урзика».

Юрий оказался симпатичным юношей с доверчивой улыбкой и чистым взглядом.

— Юрий Иванович, — спросил я, — каким методом вы работаете? С помощью копирки или на просвет?

— Зачем же! — обиделся он.— Я просто так срисовываю. Кладу отпечаток рядом и срисовываю. Часто даже добавляю и исправляю на свой вкус. Смотрите: автор изобразил левого пожарного небритым. А зачем? Это уводит от основной темы. Я побрил пожарного. А вот какие-то лишние детали, создающие впечатление небрежности: рваные штрихи дыма, незаконченное окошко, непонятные запятые над головами пожарных. Глаза у людей чересчур большие, выпуклые. Над устранением таких недоделок приходится много работать.

— Вы правы, — сказал я, сравнив рисунки, — ваше произведение выгодно отличается своей лаконичностью, целеустремленностью. А скажите, вы печатались где-нибудь до «Крокодила»?

— А как же. Меня печатали в пензенских газетах, в марийском журнале «Пачемыш», в монгольском «Таншууле». Я вообще много посылаю рисунков. В «Горьковскую правду» посылал, в Болгарию в Чехословакию... Еще куда-то, сразу не вспомнить. Некоторые редакции не отвечают, так что, может, где и напечатали, а я не знаю.

— И всюду вы посылали вот такие копии с исправлениями или свои рисунки?

— Когда как... По-разному...

Мы еще немного поговорили с Юрием Ивановичем о нелегком труде плагиатора, и мне стало ясно: людей этой профессии необходимо беречь, ибо из-за несправедливых гонений число их катастрофически уменьшается.

Вот наши совместные предложения:

1. При Союзе художников организовать секцию плагиаторов, члены которой должны пользоваться всеми правами и льготами наравне с членами Союза.

2. Поскольку само слово «плагиатор» приобрело нехороший, отрицательный оттенок, секцию официально именовать «Секция популяризаторов и распространителей произведений изобразительного искусства» (сокращенно СПИРПИИ).

3. В члены СПИРПИИ принимать людей, представивших на бюро секции не менее пяти опубликованных работ с приложением источников, откуда они заимствованы.

4. Все редакции журналов и газет, опубликовавшие работы членов СПИРПИИ, обязаны выплачивать последним гонорар по действующим расценкам. Контроль за этим возложить на Комитет по охране прав плагиатора, который необходимо создать в ближайшее время.

Будем надеяться, что этот проект будет поддержан общественностью. И тогда, граждане плагиаторы, вы сможете работать спокойно. Ваш труд вознаградится, а совесть не будет отягощена мыслью, что вы делаете нечестное, нехорошее дело. Потому что, к примеру, один мой знакомый плагиатор, впервые напечатавшись, был до того напуган, что переменил фамилию, отпустил бороду, бросил жену и сына-комсомольца и завербовался на полуостров Ямал в изыскательскую партию. Будучи горожанином, не приспособленным к суровым условиям жизни на Крайнем Севере, он в первую же полярную ночь был сильно помят белой медведицей.

Это, к счастью, редкий случай. Потому что совесть — такая штука, которой обычно у плагиатора не наблюдается.

г. Пенза

— На этом мы заканчиваем репортаж из зоосада...

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА», 1963 год

Рисунок Ю. Шляхова

«ОГОНЕК», 1965 год

— Сегодня я вот такую поймал...
— Не верю!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

«КРОКОДИЛ», 1965 год

— Во якую спаймау!..
— Не веру!

Мал. Г. Шкрэдава.

«ГОМЕЛЬСКАЯ ПРАВДА», 1970 год

ТАК ГОВОРИМ

ПОЧЕМУ МЫ

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать — выражение возникло среди любителей музыки, побывавших на конкурсе современной песни.

И. ЖУХОВИЦКИЙ (г. Львов)

На дороге не валяется — есть сведения, что эта формулировка взята из характеристики на бывалого алкоголика.

Б. ИВАНОВ (г. Иваново)

Отбился от рук — выражение, которым вратари оправдываются перед тренером за пропущенный гол.

Б. БАРТАШЕВИЧ (г. Кимовск, Тульской области)

Держи карман шире — родоначальники этого популярного призыва — контролеры в магазинах самообслуживания.

Смутный — слово, происходящее от СМУ (строительно-монтажное управление). СМУ имеют обычно СМУтное представление о сроках завершения строительно - монтажных работ.

Н. ШУМИЛОВ (г. Люберцы, Московской области)

Шпаргалка — термин, введенный в практику неким студентом. Подбросив на экзамене сокурснице Галине бумажку с решением задачи, он подбодрил ее словами: «Шпарь, Галка!»

Ц. МЕЛАМЕД (г. Рига)

«Высылаю вам свои стихотворения, чтобы получить настоящее осуждение своего начинающегося творчества».

(Из письма в редакцию газеты.)

Копию снял Л. Вихоцкий, г. Элиста

Гостеприимный барьер.

(Парадный вход в комбинат бытового обслуживания «Грация»).

Фото А. Бондарь, г. Светлогорск.

Фото В. Щербинина, г. Канск.

«Объяснение

Я, Роговой Петр Васильевич, трубку для аппарата нашел на территории ремонтного участка, а латунную пластину на РМЗ. Во время изготовления аппарата для самогонки никто замечания не делал. Изготовлял в течение недели без чертежа, на глаз. Конструкцию аппарата и принцип работы аппарата знаю по рассказам товарищей.

На производство моей работы изготовление аппарата не мешало, в течение недели я производственное задание выполнил».

Копию снял П. Ильницкий, г. Киев.

КРОКОДИЛ

№ 6 (1944)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, Е. Ведерников, А. Грунин, В. Каневский, Н. Станиловский, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Узбяков, А. Чикарьков, Е. Шабельник.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ (художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

А 01765. Сдано в набор 11/II 1970 г. Подписано к печати 19/II 1970 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 740 000 экз. 1 завод: 1 — 4 662 000. Изд. № 250. Заказ № 404.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.

Индекс 70448

— Как видите, мы уходим из Вьетнама...

Рисунок КУКРЫНИКСЫ